языков (Pass). Вариант *пашпорт* (в русском языке с конца XVII века) восходит к польскому paszport (можно допустить и украинское посредство). Со второго десятилетия XVIII века в русском языке укореняется форма *паспорт*, обязанная немецкой *Paßport* (в немецком она из французского языка passeport). Эта форма и возобладала в литературном языке (в русских говорах: *пашпорт* и *пачпорт*).

Кандидат филологических наук
Ф. П. СЕРГЕЕВ
Кишинев

МАШИНА

Слово *машина* стало употребляться в русском языке с начала XVIII века. В «Законодательных актах Петра I», изданных Н. А. Воскресенским (М.–Л., 1945), оно обнаруживается в двух вариантах *машина* и *махина*: «О машинах разных, что в воде работают»; «О махине водяной, что у Гааги». Вариант *махина* восходит, возможно, через польское machina к латинскому machina, имеющему, в свою очередь, греческое происхождение (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка). Вариант *машина*, по тем же данным, проник через немецкое Maschine из французского machine, восходящего к латинскому machina.

Уже в греческом языке в слове *машина* объединялись, помимо других, два значения: 'орудие, сооружение' и 'осадная машина'. Это обстоятельство оказало влияние на судьбу слова в русском языке. С течением времени произошло разделение значений между вариантами: за словом *машина* закрепилось значение 'механизм', а за *махина* – 'нечто огромное', так как осадные орудия отличались большими размерами. В научных книгах XVIII века и *машина* и *махина* употреблялись в одном значении 'механизм, снасть, орудие' (Л. Л. Кутина. Формирование терминологии физики в России. Л., 1966).

Например, в Отчете Петру I о поездке за границу, состоявшейся в 1721 году, придворный библиотекарь Иоганн Шумахер называет словом *машина* механизм, выдаваемый его изобретателем за перпетуум мобиле: «И таким образом колесо сохраняет движение битьем весов, а силу бития не от машины имеет, но от тонкой невидимой материи»; «Егда бы внутренняя структура ма-

шины объявилась, тогда бы многие математики оную за перпетуум мобиле не почитали» (П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862). Употребление слова *машина* в этих примерах вполне соответствует первому, основному значению его, отмеченному 17-томным «Словарем современного русского литературного языка».

Вместе с тем, у слова *машина* уже в XVIII веке появляются переносные значения. В. В. Веселитский приводит примеры метафорического употребления слова *машина* (*махина*) у А. Кантемира, В. Тредиаковского, в переводах конца XVIII века, где слово *машина* (*махина*) обозначает уподобление предмета машине, механизму по своему строению, согласованности частей (Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX века. М., 1972). Наличие у слова *машина* разнообразных фигуральных значений к концу XVIII века отмечает также Р. А. Будагов в книге «История слов в истории общества» (М., 1971). Одно из таких значений – 'нечто, действующее подобно механизму' – свойственно современному языку. Это нашло отражение в «Словаре современного русского литературного языка».

Между тем, слово *машина* встречается уже у В. Н. Татищева. В 1739 году он написал диалог «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ», в котором зарекомендовал себя поборником просвещения в России. В этом диалоге встречается следующее выражение: «И тако неученый судия будет подобен безразумной машине». В данном контексте *машина* выступает как исполнитель тех или иных действий, но не имеющий души, следовательно, бессердечный, бесчеловечный. В этом же диалоге Татищев приводит слова Петра I из разговора с лейб-медиком Н. Блюментростом, где с помощью слова *машина* подчеркивается преждевременность воплощения в жизнь некоторых замыслов: «Ты хочешь сделать Архимедову машину очень сильную, да подымать нечего, и где поставить места нет». Таким образом, слово *машина* рано начинает употребляться за пределами научной терминологии и проникает в поэтический словарь.

Два варианта – *машина* и *махина* – сосуществуют довольно долго. М. В. Ломоносов употребляет в стихах вариант *махина*: «Хотя твои махины грозны, Но сплавлю их в звяянный вид: Чтоб знали впредь потомки позны, Что ныне свет в России зрит» (Ода на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург в 1742 году по коронации). А. Н. Радищев начинает трактат «Опыт о законодавстве» такими словами: «Чем махина простее, чем меньше в ней пружин, чем оные прочнее и могут вернее и проворнее производить сходственные с ее целию великие и наилучшие действия, тем она совершеннее. Государство есть ве-

ликая махина, коея цель есть блаженство граждан». Таким образом, и Радищев употребляет вариант *махина*, причем, как и Ломоносов, для создания метафорического образа. Более того, Радищев, очевидно, впервые сопоставляет с машиной государственное устройство, предваряя «устойчивые сочетания типа государственная, административная и т. п. машина», появление которых Ю. С. Сорокин относит к 20–30 годам XIX века (Развитие словарного состава русского литературного языка. М.— Л., 1965). 17-томный Словарь рассматривает это значение как переносное.

А. С. Пушкин также употребляет два варианта: машина и махина. В работе «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» поэт использует вариант *махина:* «Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он [Ломоносов] все испытал и все проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия, с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, учреждает фабрику, сам сооружает махины, дарит художества мозаическими произведениями и наконец открывает нам истинные источники нашего поэтического языка». Пушкинская характеристика Ломоносова преподнесена как бы «в высоком штиле», она проникнута пафосом, и существительное *махина* в сочетании с глаголом *сооружает* и в соседстве с выражением «дарит художества мозаическими произведениями» до некоторой степени воссоздает слог самого Ломоносова и способствует зримому восприятию образа великого ученого, данного великим поэтом.

Пушкину приписывается небольшой очерк о Татищеве. Посвященный первому русскому историку, он написан слогом, свойственным историческому сочинению,— ровно, спокойно, с указанием хронологии всех главных событий жизни замечательного государственного деятеля и ученого: «В 1724 произведен Татищев в полковники от артиллерии и послан в Швецию для составления планов и моделей машинам». Таким образом, варианты *махина* и *машина* у Пушкина не случайны, а обусловлены требованиями стиля и жанра. При этом оба варианта использованы в своем первом, основном, значении.

Употребление варианта *махина* К. Н. Батюшковым, отмеченное «Словарем современного русского литературного языка», также не является случайным: «Годофред, желая осадить город, приготовляет махины, стенобитные орудия». В латинском языке словом machina обозначались как раз осадные орудия, служащие для разрушения городских стен. Поэтому вариант *махина* одновременно является отчасти историзмом, отчасти устаревающим словом и стилистически вполне оправдан.

Смысловое разграничение вариантов *машина* и *махина* оформилось не сразу. Еще у Н. В. Гоголя в «Мертвых душах» встречается *машинища* в значении 'нечто огромное', то есть соответствующем современному *махина:* «Я вам доложу, каков был Михеев, так вы таких людей не сыщите: машинища такая, что в эту комнату не войдет... А в плечищах у него была такая силища, какой нет у лошади...»,– расхваливает Собакевич Чичикову одного из крестьян.

О судьбе слова *машина* в XIX веке подробно пишет Ю. С. Сорокин в книге «Развитие словарного состава русского литературного языка». Он отмечает целый ряд метафорических сочетаний со словом *машина* у разных авторов на протяжении века. Однако значения 'нечто огромное' в его примерах нет.

Как метафору использует слово *машина* и Л. Н. Толстой. В «Анне Карениной» встречаются такие примеры: «Рассуждения о том, что корова есть машина для деланья молока, были ей подозрительны»; «...Левин в тысячу раз лучше человек. А этот франтик петербургский, их на машине делают, они все на одну стать и все дрянь»; «Как будто слезы были та необходимая мазь, без которой не могла идти успешно машина взаимного общения между двумя сестрами,– сестры после слез разговорились не о том, что занимало их; но и говоря о постороннем, они поняли друг друга». Известные слова Анны об А. А. Каренине: «Это не человек, это министерская машина»,– представляют собою как бы метафору второй степени – от машины-«механизма» к «государственной машине» и далее к «министерской машине» как символу человека, действующего только как механическая деталь аппарата и подобно ему.

Таким образом, метафорическое употребление слова *машина*, начатое Татищевым и его современниками, получило дальнейшее развитие в русском литературном языке XVIII—XIX веков. Варианты *машина* и *махина* у писателей первой половины XIX века имели, как правило, различную стилистическую окраску.

М. Ф. ДАШКОВА
Воронеж